

ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Сабиров Немат Казакбаевич

Старший преподаватель кафедры русской филологии Ферганского
государственного университета, Узбекистан

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается процесс формирования жанра русского ориентального травелога, понимаемого как «жанровое и идейно-тематическое единство, связанное фундаментальной концепцией, русский человек на Востоке».

Ключевые слова: *Средняя Азия, травелог, ориенталистические тексты, дискурс, наррация, космическое, хаотическое.*

ABSTRACT

The article discusses the process of formation of the genre of Russian oriental travelogue, understood as "genre and ideological and thematic unity, connected by a fundamental concept, a Russian man in the East."

Key words: *Central Asia, travelogue, oriental texts, discourse, narration, cosmic, chaotic.*

ВВЕДЕНИЕ

Исследование русских путевых записок XVIII века о Средней Азии в контексте жанровой системы невозможно без уточнения структуры жанра, сложившейся в современной науке. Следует отметить отсутствие единой терминологической системы в этой области. При этом в определении сути явления большинство авторов придерживается общего мнения, которое можно выразить в нескольких общетеоретических постулатах:

Русская путевая проза, посвященная Средней Азии, как полноценное явление начала формироваться в конце XVIII – I трети XIX века.

Жанровые признаки литературного путешествия в Среднюю Азию существенно отличаются от путевой литературы о Европе, Ближнем Востоке.

Жанровое разнообразие литературы о путешествиях продолжает расти по мере расширения связей с окружающим миром вследствие географических открытий, политических и социальных изменений, развития межкультурных контактов. На основании выделенных признаков появляется возможность выделить в отдельный вид путевой литературы записки русских авторов о путешествии в среднеазиатские ханства в XVIII веке.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Выделение в качестве отдельной жанровой единицы требует единого обозначения совокупности текстов, написанных русскими путешественниками и определение границ понятия. П.В. Алексеев предлагает термин «русский ориентальный травелог», подчёркивая таким образом в качестве первоочередной задачи авторов постижение восточной ментальности и изучение экзотического пространства [1]. Е.Р. Пономарёв рассматривает ориентальный травелог как разновидность жанра имперского травелога, основной особенностью которого является репрезентация в тексте имперского сознания, ориентация на возможную имперскую экспансию [3]. В жанре имперского травелога выделяется, по его мнению, три направления:

- путешествие на Запад;
- путешествие внутри империи;
- путешествие на Восток.

Путешествие на Запад формирует разделение на «русское» и «нерусское» пространства, а также имперскую идентичность, которая складывается в противостоянии Западу. В путешествиях по империи имперскость проявляется как цивилизационное «преобразование пространства». Путешествие на Восток, по мнению, Е. Пономарёва в русской традиции факультативно. В свете всего изложенного с исследователем нельзя согласиться. Факультативность русских литературных путешествий на Восток определяется лишь недостаточной изученностью литературных памятников и геополитическими особенностями региона.

Характеризуя жанр имперского восточного травелога в мировой литературе, Эдвард Саид отмечает объединение в понятии «Восток» довольно обширного и разнообразного географического пространства. При описании этого пространства, по мнению автора, традиция значит намного больше, чем непосредственное впечатление [4].

Анализ текстов, написанных русскими авторами, посетившими среднеазиатские ханства в XVIII веке, показывает противоположную тенденцию – описание непосредственных впечатлений, сведений, полученных на основании личного опыта авторов. В ориенталистских текстах, считает Саид, нет голоса Востока: за Восток всякий раз говорит европеец. Путевые записки русских авторов, напротив, отличает внимание к чужим реалиям, а тексты – обилие экзотизмов. Следовательно, традицию русской ориентальной путевой

прозы нельзя соотносить с европейской литературной традицией ориентального травелога.

В европейском ориентальном травелоге репрезентована идея, что во взаимоотношениях с Востоком как Другим формируется и проявляется самоидентификация европейца. Эта особенность характерна для русских путевых произведений в полной мере. Личность русских авторов проявлена в путевых записках о Средней Азии во множестве аспектов: на основании текста легко восстанавливается языковая личность и социальный облик купца Даниила Рукавкина, дипломатов Мендияра Бекчурина и Тимофея Степановича Бурнашева, унтер-офицера Филиппа Сергеевича Ефремова. Даже Ф.С.Ефремов, проживший в Бухаре значительное время, стремился сохранить культурную идентичность, для чего использовал наблюдения и дневниковые записи.

Нельзя полностью отрицать присутствие элементов имперского сознания у русских путешественников. Это не только упоминание высочайших имён, но и особое восприятие Хивы и Бухары. Как отмечает Е.Р. Пономарёв, «имперский травелог отличается от всех прочих общими задачами ментальной колонизации пространства. Чётко разделяя пространство на своё и чужое, он стремится подчинить чужое пространство той логике событий и отношений, которая характерна для пространства своего. Пространство империи мыслится путешественником-имперцем как пространство подлинное, обустроенное (космическое) и в конечном счете единственно реальное. Пространство за пределами империи — варварское, нестабильное (хаотическое), становящееся, ещё до конца не существующее. Лишь включение в империю обеспечивает пространству географическую определённость. При этом любое варварское пространство рассматривается как потенциальное приращение империи» [3].

Записки русских путешественников о Средней Азии XVIII века обладают этими признаками лишь отчасти. С одной стороны, купец Рукавкин и офицер Ефремов рассматривали бухарцев и хивинцев как противников, ресурсы которых можно использовать с пользой для русской стороны. Среднеазиатское пространство воспринимается ими как чужое, чужое настолько, что соотносить его с русскими реалиями не представляется возможным. С другой стороны, нельзя забывать, что торговые и дипломатические миссии были инициированы правительством, изучавшим возможности установления контроля над территорией ханств.

Приметы имперского ориентального травелога проявляются в текстах русских путешественников имплицитно, следовательно, тексты XVIII века

необходимо рассматривать в качестве особой жанровой формы. Наибольший интерес в контексте настоящего исследования представляет определение П.В. Алексеева, упомянутое выше: русский ориентальный травелог. В корпус таких текстов исследователь включает различные культурные аспекты – не только художественную литературу, но и дипломатические документы: «Дискурс ориентального травелога включает в себя все мыслимые формы выражения путевого нарратива, не ставя при этом вопроса об их литературности. В этот контекст следует поместить не только описания реальных путешествий на Восток, но и литературный прием, чрезвычайно важный для беллетристических жанров. В этот ряд попадет, к примеру, большинство произведений в жанре плутовского романа» [1, с.36].

Очевидно, что это определение нельзя в полной мере применить к произведениям о Средней Азии, написанным русскими путешественниками в XVIII веке. Кроме того, П.В. Алексеев связывает формирование жанровой традиции с особым положением России: «В связи с тем, что Россия, будучи страной с неопределенным статусом в западно-восточной дихотомии, была Востоком для Запада и Западом для Востока, русские ориентальные травелоги не могут рассматриваться отдельно от литературы путешествий в страны Европы, поскольку составляют с ними единый дискурс русского травелога» [1, с.36].

Это утверждение также может оцениваться как спорное. С одной стороны, русская путевая литература, безусловно, ориентировалась на существующие образцы. С другой, авторы, писавшие о Хиве и Бухаре, не имели не только литературного опыта, но даже и опыта путешествий в европейские страны, следовательно, первичным для них были собственные впечатления. В корпус текстов русского ориентального травелога исследователь включает литературу о Турции, Сирии и Палестине и не уделяет внимания запискам о среднеазиатских ханствах, которые отличаются ярко выраженной спецификой. Следовательно, эти произведения нельзя рассматривать как ориентальный травелог, поскольку культура Хивы и Бухары имеет существенные отличия от культур развитых восточных империй. Тем не менее, эти произведения оказали влияние на процесс формирования жанра русского ориентального травелога, понимаемого как «жанровое и идейно-тематическое единство, связанное фундаментальной концепцией *русский человек на Востоке*» [1, с.45].

О.В. Мамуркина рассматривает путевую прозу в контексте развития русской литературы XVIII века и определяет высокую степень влияния путевых

записок на формирование романного нарратива в русской культуре. Исследователь относит путевые записки к художественно-документальной прозе и отмечает, что логика взаимодействия различных форм словесности определяется этапом развития литературы, доминирующим художественным направлением, личностью автора, а также учетом роли адресата текста. Путевая проза второй половины XVIII столетия не только является одной из самых популярных форм «самописания», но и моделирует особое жанрово-композиционное единство, реализуемое в устойчивых формах: дневниковой, эпистолярной, мемуарно-автобиографической.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Единицы композиции организуют сложное художественное единство, определяемое системой доминант: заголовочным комплексом, маршрутом как структурным стержнем текста, а также вставными и дублирующими композиционными элементами. Формы разрушения линейности наррации (дублирование дат, вставные композиционные элементы, портретные и пейзажные описания) являются проявлениями форм художественности и перехода к осмыслению личного события документального текста как элемента типизации художественного произведения [2].

Всеми выделенными признаками в полной мере обладают путевые записки Филиппа Ефремова, текст которых пережил три редакции. Сравнительный анализ всех трёх текстов позволит выявить специфические жанровые особенности путевой русской литературы о Средней Азии XVIII века. Как отмечают исследователи, анализ произведений этого жанра должен быть комплексным и сочетать приёмы литературоведческого, лингвистического, лингвостилистического, лингвокультурологического и текстологического анализа.

REFERENCES

1. Алексеев П.В. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII - первой трети XIX века // Филология и человек, 2014, № 2. – с. 36.
2. Мамуркина О.В. Художественный нарратив в путевой прозе второй половины XVIII века: генезис и формы: дисс. канд. филол. наук. – СПб., 2012.
3. Пономарёв Е.Р. Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение, 2017, № 2. [Электронный ресурс]
4. Said E.W. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978.

5. Сабиров, Н. К., & Исмаилова, Г. А. (2022). КОНЦЕПТ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ. *Eurasian Journal of Academic Research*, 2(6), 897-899.
6. Kazakbaevich, S. N., Solieva, Z. B., Kazakbayevich, S. N., & Bakhtiyarovna, S. Z. (2022). SYNTAXIS RUSSIAN LANGUAGE. FUNCTIONALIZATION OF SINGLE PROPOSALS IN PERIODICAL PRINTING TEXTS. *Galaxy International Interdisciplinary Research Journal*, 10(4), 486-489.
7. Muratovna, Y. U., & Kazakbaevich, S. N. (2021). HERMENEUTICS AS A SCIENCE OF CORRECT UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF THE MEANING OF PHILOSOPHICAL TEXTS. *Emergent: Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning (EJEDL)*, 2(04), 70-73.
8. Tirashevna, K. S., & Kazakbaevich, S. N. (2020, December). GROUP FORM ORGANIZATION OF LEARNING ACTIVITIES AS AN INTERACTIVE RECEPTION WHEN LEARNING VERB. In *Archive of Conferences* (Vol. 12, No. 1, pp. 7-9).
9. Kazakbayevich, S. N. Diplomatic Post as a Source of the Genre of Travel Notes About the Bukhara Khanate. *International Journal on Integrated Education*, 3(12), 221-224.
10. Kazakbayevich, S. N., & Aleksandrovna, K. T. ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ. *Zbiór artykułów naukowych recenzowanych.*, 30.
11. kizi Giyosova, V. A., & Sabirov, N. K. FAIRY TALES OF THE RUSSIAN AND UZBEK PEOPLES (COMPARATIVE APPROACH).